Виктория Вишневская

Его (не) родной сын. Нас больше нет

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
В43

Виктория Вишневская
В43 Его (не) родной сын. Нас больше нет / Виктория Вишневская – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 240 с.

ISBN 978-5-524-06248-2

— Выметайся, — первое, что слышу от мужа, когда он возвращается с работы. — Ты ещё здесь?

– Май, ты чего? – спрашиваю, отпружинивая с дивана. Я не узнаю человека, с которым провела чудесных пять лет брака. Любящий муж внезапно превратился в чужака.

Он резко шагает ко мне и протягивает смятый лист бумаги.

Тест на отцовство?..

– Зачем ты?..

Он сделал тест-ДНК с Павликом? Сомневался, что он его сын?

– Были причины, – холодно произносит муж. И разочарованно продолжает: – Я тебя любил, а ты…

– Это какая-то ошибка, – пытаюсь его вразумить. Слёзы подкатывают к глазам от растерянности. – Давай переделаем тест?

– Нет, Ангелина. Мне хватило одного раза. А теперь собирай вещи и езжай со своим сыном куда хочешь. Мы разводимся.

Ноги становятся ватными, и я готова осесть на пол. «Со своим сыном»…

Как удар под дых.

– Это твоё последнее слово?

– Да. Развод.

– Когда-нибудь ты пожалеешь о том, что выгнал собственного сына из дома, – медленно и отчётливо произношу. – Но тогда будет уже поздно, Пятницкий.

***

Я думала, что на этом наши пути разойдутся, но была слишком наивна. Бывший муж вновь ворвался в мою жизнь, несмотря на то, что сам решил оборвать между нами любую связь. Выкупил компанию, в которой я работаю. И теперь бывший муж - мой босс.

ISBN 978-5-524-06248-2

© Lennex Corp, 2026
© Виктория Вишневская, 2026

Виктория Вишневская

Его (не) родной сын. Нас больше нет

УДК 82-3
ББК 84
В43

Виктория Вишневская
В43 Его (не) родной сын. Нас больше нет / Виктория Вишневская, 2026. – 240 с.

ISBN 978-5-524-06248-2

— Выметайся, — первое, что слышу от мужа, когда он возвращается с работы. — Ты ещё здесь?

– Май, ты чего? – спрашиваю, отпружинивая с дивана. Я не узнаю человека, с которым провела чудесных пять лет брака. Любящий муж внезапно превратился в чужака.

Он резко шагает ко мне и протягивает смятый лист бумаги.

Тест на отцовство?..

– Зачем ты?..

Он сделал тест-ДНК с Павликом? Сомневался, что он его сын?

– Были причины, – холодно произносит муж. И разочарованно продолжает: – Я тебя любил, а ты…

– Это какая-то ошибка, – пытаюсь его вразумить. Слёзы подкатывают к глазам от растерянности. – Давай переделаем тест?

– Нет, Ангелина. Мне хватило одного раза. А теперь собирай вещи и езжай со своим сыном куда хочешь. Мы разводимся.

Ноги становятся ватными, и я готова осесть на пол. «Со своим сыном»…

Как удар под дых.

– Это твоё последнее слово?

– Да. Развод.

– Когда-нибудь ты пожалеешь о том, что выгнал собственного сына из дома, – медленно и отчётливо произношу. – Но тогда будет уже поздно, Пятницкий.

***

Я думала, что на этом наши пути разойдутся, но была слишком наивна. Бывший муж вновь ворвался в мою жизнь, несмотря на то, что сам решил оборвать между нами любую связь. Выкупил компанию, в которой я работаю. И теперь бывший муж - мой босс.

ISBN 978-5-524-06248-2

© Литнет, 2026
© Виктория Вишневская, 2026

Глава 1. Ангелина

— Выметайся, – первое, что слышу от мужа, когда он возвращается с работы. Я вздрагиваю от резкого, грубого голоса и инстинктивно вжимаюсь в мягкую спинку дивана. Сердце начинает бешено колотиться. Май никогда не говорил со мной так. Никогда. Даже с другими людьми он всегда был спокоен и сдержан. Но в гостиной кроме нас – никого. Павлика я уложила спать ещё час назад, чтобы вечером спокойно погулять всей семьёй. Май обещал, что после работы мы отправимся в парк. Но вместо этого передо мной стоит совершенно чужой человек с холодными глазами и сжатыми кулаками. – Ты ещё здесь? – бросает он с презрением, словно я чужая, нежеланная гостья в его доме. Свирепый взгляд убивает наповал. – Май, ты чего? – спрашиваю, отпружинивая с дивана. Я не узнаю человека, с которым провела чудесных пять лет брака. Любящий муж внезапно превратился в чужака. Он резко шагает ко мне и протягивает смятый лист бумаги. Я беру его дрожащими пальцами, не понимая, что это такое. У нас никогда не было секретов друг от друга. Разглаживаю листок и читаю заголовок. Тест на отцовство?.. – Зачем ты?.. – в горле пересыхает, но я всё же выдавливаю эту вымученную фразу. Мир вокруг словно переворачивается с ног на голову. Он сделал тест-ДНК с Павликом? Сомневался, что Паша – его сын? Мы вместе уже пять лет, и за всё это время между нами не было ни ревности, ни подозрений, ни ссор. – Были причины, – холодно произносит он, сжимая кулаки так сильно, что костяшки пальцев белеют. Его лицо искажено злостью, желваки ходят по скулам, глаза налиты кровью. А и так крупная фигура будто надулась от напряжения. – Я тебя любил, Гель, а ты… Будь у него возможность – он бы облил меня дерьмом. Но у нас правила – в доме мы не ругаемся. В месте, где растёт его сын, который может запросто повторить ругательство за ним. – Май, это какая-то

ошибка, – пытаюсь его вразумить. Слёзы подкатывают к глазам от растерянности и того, что муж впервые повысил на меня голос. – Давай переделаем тест? Почему он решил его сделать – разберёмся потом. – Нет, Ангелина. Мне хватило одного раза. А теперь собирай ваши вещи и езжай со своим сыном куда хочешь. Мы разводимся. Ноги становятся ватными, и я готова осесть на пол. «Со своим сыном»… Как удар под дых, который лишает дыхания. В голове мелькает множество сцен, где Май держит его на руках, целует в щёчку. Где купает его, носит на руках, а перед сном читает сказки и шепчет слова о любви. И так просто отказывается от него? Из-за одной ошибки? – Может, настоящего папашу ребёнка обрадуешь, – бросает с презрением, кривясь. – Май, послушай меня! – кричу я, срывая голос. Подбегаю к нему, попутно спотыкаясь о ковёр и чуть не летя вниз носом. Хватаюсь за хлопковую рубашку, под которой скрываются стальные и широкие плечи. Всё происходящее кажется дурным сном! И я готова зажмуриться, ущипнуть себя до боли, лишь бы быстрее проснуться и забыть этот кошмар. – Он твой сын, понимаешь? Твой! Я люблю только тебя! Да и с кем бы я могла? Пятницкий, ты был у меня первым! Единственным! – не выдерживаю и начинаю бить его кулаками по плечам, пытаясь хоть как-то достучаться до него. Но он не слышит. Его злость застилает ему глаза! А тест-ДНК – полная чушь! В клинике явно ошиблись! – Вот эта бумажка, – Май резко вырывает листок из моих рук, сминает и бросает на пол, – говорит совсем другое. Вспоминай лучше, с кем ты там кувыркалась. Я отступаю на шаг, обхватываю себя руками, словно пытаясь защититься от его слов. Губы дрожат, слёзы жгут глаза, но я не позволяю себе заплакать. Разве могла я подумать сегодня утром, провожая его на важную встречу, что вечером он будет обвинять меня в измене? – Я тебе не изменяла, – произношу я медленно и чётко, глядя ему прямо в глаза. Он усмехается, поднимает взгляд к потолку и качает головой. – Я пять лет жил во лжи. Больше не хочу. Собирай свои вещи, Апрелька,

и валите отсюда. «Апрелька». Теперь это прозвище звучит холодно и чуждо. Когда-то он называл меня так нежно, с любовью, потому что я родилась в апреле, а он – в мае. Теперь же в его голосе нет ни капли тепла… – Это твоё последнее слово? – спрашиваю я резко, стараясь скрыть дрожь в голосе. Слёзы снова подступают к глазам, но я не позволяю им пролиться. Нельзя унижаться. Он и так уже втоптал меня в грязь, обвинив в измене и лжи. И если он не желает меня слушать… Сам виноват, Пятницкий! – Да. Развод. На алименты не рассчитывай, причитающиеся бабки получишь после развода. Эти слова звучат хуже пощёчины. За годы брака мы почти ничего не нажили. Как любит говорить моя свекровь, я «пришла на всё готовенькое». Когда мы поженились, у Мая уже была машина и этот дом. Делить нам практически нечего. И алиментов тоже не будет. Он прекрасно знает, что я сижу дома в декрете и никогда не работала. Да, у меня есть диплом о высшем образовании, но кому нужен сотрудник без опыта работы и с маленьким ребёнком на руках? Ладно, сейчас не время думать о деньгах! Я не собираюсь унижаться и валяться у него в ногах. – Когда-нибудь ты пожалеешь о том, что выгнал собственного сына из дома, – медленно и отчётливо произношу. – Но тогда будет уже поздно, Пятницкий. Ничего не отвечает. Смиряет меня равнодушным взглядом. Но я замечаю, как в глубине его глаз, всегда таких уверенных и сильных, появляется едва заметная влага. Он не плачет, нет. Просто он разочарован И это так паршиво… Он не хочет меня слушать. Не хочет повторить тест. Он не верит собственной жене… Собрав все силы, отворачиваюсь от него и направляюсь в комнату к Павлику, давая волю чувствам под грохот грома за окном.

Глава 2. Май

Май – Май Викторович, вы с нами в ресторан идёте? – спрашивает секретарь, заглядывая в кабинет и вырывая меня из задумчивости. – Отмечать утверждение нового ювелирного магазина. Вы всё-таки оплатили нам стол, хоть канапе съесть можно! – Нет, не пойду, – отвечаю, улыбнувшись. С подчинёнными у меня доверительные отношения. Даже на подобные встречи они зовут меня, своего начальника, не боясь, что после одного вечера пойдут под сокращение. И я бы не заметил этого, если бы Геля однажды не сказала, что все в компании меня уважают и ценят. А за спиной ещё и восхищаются. Как вспомню – хохотать хочется. У нас просто взаимоуважение. – К жене спешу. Домой. «Домой»… Перед глазами круглое щекастое личико Павлуши. Его карие глаза-бусинки. И как он таращит их, гарцуя с места. Бежит ко мне, врезаясь в ноги и встречает с работы громким: «Папа пишёл!». Опять думаю о сыне, о жене, и быстрее начинаю стучать по клавишам. Надо разобраться с последним на сегодня делом, поехать домой, забрать семью и ехать в парк. Последнее – вряд ли получится по собирающимся на небе тучам. Но ничего, зато поужинаем в каком-нибудь новомодном ресторане. – Семейный вы человек, – тепло замечает Роман, всё ещё стоя в дверях кабинета. – Повезло же вашей жене. Я качаю головой. Скорее уж мне повезло с ней. Ангелина хозяйственная, добрая, милая, душа любой компании. Верная и любимая. А главное – она подарила мне сына. – Иди уже, – отмахиваюсь от него, возвращаясь к работе. Параллельно слышу пиликающее сообщение на почту. Что там ещё? Открываю, а там письмо от клиники. В заголовке: «результаты теста». Хм, в последнее время я не был у врачей. Наверное, Апрелька указала мою почту, позабыв свою? Дурашка, надо будет напечатать ей и на лоб приклеить. Открываю письмо, но развернуть файл не успеваю. Телефон вибрирует. Любимка что ли? Хватаю

телефон, поскорее желая услышать жену. Но на экране высвечивается «Мама». – Привет, мам, – говорю я, слегка усмехнувшись. В последнее время мама стала слишком часто звонить и приезжать в гости. Мне приятно её внимание, но иногда её чрезмерная забота вызывает вопросы. А ещё она часто приезжает в самые неловкие моменты, отчего мы запыхавшиеся вываливаемся в гостиную, сразу после попыток сделать Павлуше сестрёнку. – Ты видел, что тебе пришло на почту? – сразу же начинает она с претензией в голосе. Я хмурюсь, удивлённо глядя на экран ноутбука. – Откуда знаешь? – Я сделала тест ДНК тебе и Павлу, – резко заявляет она. Одно слово приводит в бешенство. – Нахрена? – огрызаюсь, почувствовав волну ярости и раздражения. Подобного я не ожидал. – Потому что у твоей мамы хорошая интуиция! Ты результат видел? – Мама, – произношу я с нажимом, подчёркивая её статус в моей жизни. – Ты сейчас ставишь под угрозу наше общение. Во-первых, я не давал тебе права вмешиваться в мою семью. Во-вторых, как тебе вообще такое в башку взбрело? – Ты с матерью так не разговаривай. А вспомни её друга, - не унимается она. - Они тесно общались, и она ему явно нравилась! Да и искра у них была! – Это в прошлом, – чеканю, прекрасно помня Диму. Они поругались и уже давно не общаются. – И ещё одна такая выходка – можешь забыть о внуке. И о сыне тоже. Последние слова буквально выплёвываю в трубку и отключаюсь. Пульс ускорен, настроение подгажено. Что на неё нашло? Они с Ангелиной всегда прекрасно ладят. Делятся рецептами пирогов, обсуждают детей. А теперь вдруг такое… Полный бред. Усмехаюсь и бросаю телефон на стол. Павлуша – мой сын. Это факт, и точка. Открываю документ, внимательно вчитываюсь в каждую букву. Глаза цепляются за строчку: «Вероятность родственной связи – 0%». Внутри все переворачивается. Это невозможно. Хрень собачья! Трясу головой, протираю глаза ладонями. Наверное, просто устал. Перед глазами всё плывёт, буквы расплываются. Но нет, цифры отчётливо видны – ноль процентов. В голове тут

же всплывает недовольный голос матери: «А вспомни её друга». Стискиваю от злости кулаки. Жму на печать бумажки, которую только получив, от злости сжимаю в кулак. Чёрт возьми, да почему всё так обернулось? Нажимаю кнопку печати, хватаю листок и тут же комкаю его в руке. Чёрт возьми, почему всё так обернулось? Не закончив работу, вылетаю из офиса. В гневе сажусь в машину и несусь домой, не замечая дороги. В голове одна единственная мысль: приехать и разобраться. И прибить Апрельку. Я ненавижу измены, никогда их не прощу. Неужели она все эти годы обманывала меня? Держала за дурака? Наставила рога и живёт припеваючи! Тут же мысленно одёргиваю себя. Нет, Ангелина не могла так поступить. Просто не могла. Мы живём счастливо, душа в душу. Без лжи, без обид. В любви, чёрт возьми. Но перед глазами снова эти проклятые ноль процентов. Сжимаю руль так, что пальцы немеют. Резко торможу у ворот, хватаю задрипанный листок и направляюсь к дому. Ты обманывала меня, Геля. Предала. Воткнула нож в спину. Я хочу конструктивного диалога. Объяснений. Но эмоции берут вверх. Влетаю в гостиную, вижу Апрельку. Мою Апрельку. Ту самую, в которую влюбился по уши с первой встречи. Невольно вспоминаю годы нашего брака. Счастливые, тёплые, наполненные любовью. Лживые годы. Вся эта любовь, вся искренность – оказалась ложью. – Выметайся, – выпаливаю ей сгоряча. Я не буду терпеть это. И все её слова пролетают мимо. Каждое кажется ложью. Абсолютно каждое. Единственное, что я хочу услышать – это признание, которого так и нет. – Развод. На алименты не рассчитывай, причитающиеся бабки получишь после развода. Тяжело говорить эти слова. Пять лет брака рушатся в одно мгновение. Внутри всё сжимается, будто кто-то пропустил мои внутренности через мясорубку. В голове хаос, в душе бушует буря. Единственное, чего я сейчас хочу – перестать смотреть в эти лживые карие глаза.

— Когда-нибудь ты пожалеешь о том, что выгнал собственного сына из дома, – чеканит мне Ангелина с вызовом. – Но тогда

будет поздно, Пятницкий. Не будет. Ребёнок не мой. И этот клочок бумаги – тому подтверждение. И всё, чего я сейчас хочу – чтобы они убрались из этого дома. Как только думаю о сыне – сердце тут же сжимается от беспокойства. Но он не мой. Ангелина резко разворачивается и почти бегом выходит из комнаты. А я медленно, на ватных ногах, иду в свой кабинет. Никогда раньше не пил, но сейчас рука сама тянется к бутылке виски для гостей. Открываю её и делаю большой глоток прямо из горлышка. Проклятый алкоголь обжигает горло, но боль внутри не утихает.

Павлик… Я любил тебя, как родного сына. Но твоя мать меня обманула. От бессилия и злости я резко ударяю бутылкой по столу. Стекло разлетается на мелкие осколки, виски проливается на брюки и пол. Мне всё равно. Сажусь в кресло и запрокидываю голову назад, крепко зажмуриваясь. Слёзы подступают к глазам, но я не хочу их выпускать. Я редко плачу. Последний раз это случилось, когда впервые увидел сына. Тогда я был счастлив, глядя на этот маленький комочек жизни. А теперь… Теперь она предала меня. Я снова тянусь к шкафу, достаю другую бутылку и снова пью прямо из горла, не чувствуя вкуса. Дождь за окном шпарит, не переставая. Наша прогулка в парк и так бы отменилась. Только я не думал, что всё закончится именно так. Поворачиваюсь на стуле к панорамному окну и вдруг замечаю две маленькие фигурки, бегущих по двору. Апрелька с чемоданом и сыном за руку бежит по тропинке в дождевике. Опять больно становится. Я не подумал о погоде, выгоняя её из дома. В порыве встаю, хочу открыть окно, позвать их обратно. Но обессиленно падаю обратно на стул, заливая горе алкоголем. Это конец. Нас больше нет.

Глава 3. Ангелина

— Мам, а кутя мы итем? Те папа? – взволнованно спрашивает сынок, перебирая ножками и крепко сжимая мою руку. Пропускаю его вопрос мимо ушей из-за оглушающих меня слёз. В груди тяжело и больно, будто кто-то разрывает её на части. Ноги вязнут в грязи, и я быстро подхватываю малыша на руки, чтобы он не испачкался. – Папа… – начинаю я, но тут же замолкаю, проглатывая комок в горле. – Папа остался дома. Мы едем к бабушке. Ты давно у неё не был. С тех пор, как она нагрубила мне, я перестала оставлять у неё внука. Общались, но я не хотела видеть этого человека, приходилось только по необходимости. А сейчас выбора нет. Либо гордость, либо остаться с сыном на улице. Сбережений у меня не так много. Едва хватит на пару недель. Но сейчас об этом и думать не могу. Как ты мог, Май? Поверить в эту чушь? Я никогда тебе не изменяла! Всегда любила только тебя, а ты… ты не меня предал. Ты сына своего предал. И от этого хочется плакать ещё сильнее. Что я скажу малышу? Сейчас я смогу придумать оправдание на неделю, на две. А потом? Как объяснить, что папы больше нет в нашей жизни? Как смотреть в его влажные глазки-бусинки, видеть его покрасневший от слёз носик? Не смогу… Так, хватит! Не расклеиваться! Надо взять себя в руки, ради сына! Останавливаюсь у ворот дома, который так любила. Здесь всё сделано по моему вкусу, каждая мелочь напоминает о счастливых днях. Оставлять его позади тяжело и больно. Ставлю сына на асфальт, чемодан у ворот. Достаю телефон, одновременно поправляя Павлуше капюшон дождевика. Только бы не заболел. Вызываю такси и нервно переминаюсь с ноги на ногу. Нужно позвонить маме, предупредить её, что мы приедем на пару недель, но язык не поворачивается. Может, лучше свекрови? Рассказать ей всю эту нелепость, которую вывалил на меня Май? Любовь Степановна – хорошая